

Анатолий Терещенко

КРОВАВЫЕ СЛЕЗЫ УКРАИНЫ

Анатолий Степанович Терещенко

Кровавые слезы Украины

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22805346

Кровавые слезы Украины: Аргументы недели; Москва; 2017

ISBN 978-5-9907491-7-7

Аннотация

Новая книга А. С. Терещенко написана на основе документального материала о геноциде братского – русского и украинского – народа на Украине как в период 1940–1950-х годов, так и в настоящее время в ДНР и ЛНР. Автор рассказывает, кто и почему, а главное – за что, истребляет братьев-славян. Истоки этой кровавой бойни – в преступлениях, которые совершали против своего же народа отряды бандеровцев. Официальные киевские власти натравливают украинцев на русских, перевирая историю, возводя в ранг героев настоящих преступников, и важную роль сегодня играет фигура Степана Бандеры – лютого врага России. Автор отмечает, что существуют две Украины: первая – подлинная, Киевская Русь, Богдана Хмельницкого, Малороссия; вторая – лже-Украина мазеп, яценюков, турчиновых, с антироссийской политикой Запада. Такую Украину Россия не признает. И если она «победит», если «бандеровцы» удержатся у власти – не исключено, что придется

воевать и в будущем. Книга предназначена для широкого круга читателей.

Содержание

Часть первая. Юный мститель	6
Предисловие	6
По рекомендации райкома	11
Первый колхоз в районе	29
Война и гибель переселенца	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Анатолий Терещенко

Кровавые слезы Украины

© Терещенко А., 2017

© ЗАО «Издательский дом «Аргументы недели», 2017

Часть первая. Юный мститель

Предисловие

Степань – поселок городского типа на сарненском Полесье Украины. В этих живописных местах когда-то служил русский офицер и писатель Александр Иванович Куприн, искренне восторгавшийся красотами чудного края и добрыми его людьми. Короткое время он тут прожил и прослужил, но то, что он оставил читателям, – прочно и основательно. *Ars ionga, vita brevis* – жизнь коротка, искусство долговечно!

Здесь он черпал темы и сюжеты для создания коротких рассказов и своей бессмертной повести «Олеся». Запоминающей литературной палитрой и человеческой, и природной он считал Полесье, живя, до возвращения в Советскую Россию, в чужой для писателя Франции. Именно там он часто вспоминал об этом чудном крае, где волею судьбы довелось автору родиться, учиться, встретив там детство и юность, и куда тянуло и тянет до сих пор, несмотря на дикие сегодняшние времена с недоговороспособной властью, разорившей Украину.

Середина 80-х годов.

Автор приехал на малую Родину – в Полесье подлечиться в санатории «Горынь». Лечебное заведение привлекало мно-

гих своей чудодейственной минеральной водой, которая в соревнованиях с «Ессентуки № 17» химическими свойствами для многих пациентов из других краев, а не только для аборигенов, выигрывала борьбу за первенство. Вода помогала бороться с гастритами и другими человеческими болячками. По вечерам в здании храма администрация курорта устраивала танцы для отдыхающих.

На высоких старых тополях и березах у полуразрушенной церкви, перестроенной под клуб, шумели птицы. Монотонно чирикали воробьи, грозно кричали вороны и примкнувшие к ним грачи – весна была в разгаре. Грачи, мостящие и вьющие гнезда на деревьях, гулко хлопали крыльями, подлетая к ним со строительным материалом в клювах и зависая над домиками для будущего своего потомства. Одни обновляли старые, сплетенные из травинки и прутиков, очаги обитания, другие строили новые. Птицы то и дело сновали меж ветвей. Стоял оглушительный птичий грей. Это было наступление утра года – весны, с будущей теплотой, дождями, грозами и цветами.

Природная картина напоминала полотно – шедевр русской пейзажной живописи Алексея Саврасова «Грачи прилетели».

Автор шел к домику отставного майора Алексея Алексеевича Алексеева – «Алексеева в кубе», как он себя называл в шутку – бывшего военкома, участника минувшей войны, осевшего здесь на пенсии после ухода в запас, а потом и в

отставку.

Порекомендовал автору познакомиться с ним его друг полковник Лубенников Петр Филиппович.

– Зайди к Алексееву, – заметил он перед моей поездкой в Степань, – интересный человек, собиратель разных историй, прошедший войну и войну после войны – в борьбе с бандформированиями бандеровскими ОУН и УПА.

К тому времени автор имел звание полковника, пройдя немалый путь практики в органах военной контрразведки, увлекался литературой, писал стихи, статьи и начинал работать над рукописью книги «Взорванный век», поэтому эта встреча его заинтересовала, тем более он понимал, свободного времени на курорте будет достаточно.

И вот гостя в его небольшом приземистом домике с огородиком и садом. Аккуратно нарезанные грядки. Симметрично высаженные фруктовые деревья и кусты ягодника – черной и красной смородины, малины и ежевики...

Навстречу мне вышел высокий, убеленный сединами еще крепкий пожилой человек. Представился ему, сообщив по чьей рекомендации, я появился в его доме. Он с удовольствием пригласил меня в свой кабинет.

– Вы проходите, проходите в комнату. Садитесь поудобнее, и я вам расскажу интересную историю, – интригуяще заявил Алексеев, – может, вам пригодится.

– С удовольствием послушаю ветерана.

Речь шла о действиях «истребков» против бандеровцев.

Эту «работу» патриотов Украины автор знал не понаслышке – семья жила в гуще этих событий. Отца по комсомольскому набору отправили на Ровенщину с Восточной Украины – Сумщины в 1939 году после присоединения Галиции к УС-СР. Здесь его застала война. Сюда родитель вернулся в 1944 году после освобождения Сарны от немецких захватчиков. Вернулся машинист паровоза, пройдя битвы под Москвой, Сталинград, Курскую дугу, освобождение Киева, по приказу высокого железнодорожного начальства.

Транспортники железных магистралей носили погоны – приказ есть приказ, его не обсуждают. Ведь во время войны тыл становился трудовым фронтом. Запомнилась и до сих пор в памяти стоит красивая форма отца – китель и две звездочки вдоль однопросветного погона из серебристого галуна и золотистого цвета эмблема паровозика. Владелец такого погона имел специфичное звание – инженер-лейтенант тяги.

Продолжающаяся война после войны не раз касалась, но, к счастью, не накрыла черным крылом машиниста паровоза.

Не единожды под колесами его локомотива взрывались фугасы, заложенные бандитами. Наверное, по воле Божьей, что ли, он выходил живым и невредимым из этих передраг. Большая война длиною в 1418 дней его тоже не тронула ни серьезным ранением, за исключением пальцев, ни глубокой контузией. Хотя он и провел все это время в продуваемой ветрами и не защищенной от осколков и пуль паровозной будке у реверса и регулятора под бомбежками, обстре-

лами на стальных магистральных, как уже упоминалось выше, от Сарн до Сталинграда и от Сталинграда до Сарн...

Продолжали кричать птицы. Цвел и благоухал сад. Жужжали трудолюбивые пчелы. Все эти запахи и мелодии весны врывались в широко открытую форточку.

Алексей Алексеевич продолжал рассказывать почти автобиографические эпизоды из минувших двух горячих войн – Второй мировой и Великой Отечественной (1939–1945 гг.) и войны после войны (1945–1956 гг.)

Так родилась повесть о Сашко Бересте, пролежавшая в письменном ящике более тридцати лет...

Сегодня она актуальна! – подсказал автору внутренний голос.

По рекомендации райкома

*Кто не карает зла, тот способствует, чтоб оно
совершилось.*

Леонардо да Винчи

1939 год. Год надежд и год тревог. Год великих переселений народов с востока на запад и год начала Второй мировой войны. Для граждан СССР – это тревожный пролог, мрачное предисловие начала Великой Отечественной войны, которая ворвется в нашу жизнь сначала массированными и масштабными бомбежками, а затем вторжением вермахта на территорию Советского Союза в июне 41-го года.

А пока 39-й год был годом присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к Советскому Союзу. Это время создало скорее не броуновское движение, а отлаженные миграционные процессы с потоками в сторону «новых» старых земель Российской империи, теперь уже Красной Державы.

Пришел конец польскому владычеству на землях Западной Украины и Западной Белоруссии, проводимому жесткую политику колонизации украинского народа. Разрушилась демаркационная линия, названная в честь английского министра иностранных дел лорда Керзона, установленная 8 декабря 1919 года в результате решения Верховного совета Антанты.

Западные украинцы и белорусы соединились с земляками

и влились в Украинскую ССР и Белорусскую ССР. Они стали гражданами большой, очень большой, самой большой в мире по территории страны, во главе которой стоял вождь, своим поведением в жестокие 1937–1938 годы давший материал для проведения одной исторической параллели, нашедшей широкий «толповый» отклик в обществе. Речь шла о высказываниях Сталина в правильности действий Ивана Грозного при утверждении Централизованного Русского государства. В частности, он одобрил безжалостное истребление бояр как «пятой колонны», мешающей строить цельную державу.

Единственное, о чем он пожалел, что царь не уничтожил несколько княжеских семей, главы которых ставили палки в колеса государевой колесницы Ивана IV. Это было время широкой популяризации и деятельности царя Петра Великого. Теперь Петр I героизировался – отметались его ошибки и антинародные действия.

Сталин обретал статус третьего государственного гения Советской России после царей Ивана Грозного и Петра Великого.

Александр Чаковский в книге «Блокада» писал: «Был народ и был ее вождь Сталин... который знал, что нужно народу, по какому пути должен идти народ и что на этом пути совершить. Даже ближайших своих соратников он рассматривал, прежде всего, как посредников, главная задача которых состоит в том, чтобы неустанно разъяснять партии и народу то, что было высказано им, Сталиным, проводить в жизнь

его указания».

Каждое слово Сталина было законом для соратников, напуганных страшными событиями ежовских расправ с инакомыслящими – врагами народа. С каждым годом цифры репрессированных росли в геометрической прогрессии, прибавляя по миллиону в год. К 60-м эта цифра уже доходила, из уст некоторых ненавистников Советской России, до смехотворных размеров, чуть ли не до 50 миллионов уничтоженных советских граждан. И возникали вопросы: а кто же воевал? кто работал в тылу в период эвакуации? кто строил самолеты и танки? кто занимался перестройкой – без кавычек, поднимая страну из послевоенного пепла? Да как строили! За неполных десять лет создали на пепелище Сверхдержаву!

На Руси неукоснительное исполнение народом указаний сверху – традиция, даже если эти рескрипты царей, вождей, секретарей и президентов ошибочны и даже преступны. История помнит примеры таких политиканствующих правителей, как в Царской России, Советском Союзе, так и в Российской Федерации. ВРЕМЯ и ИСТОРИЯ ставят и поставят все на свои места.

Это была лицевая – аверсная сторона Государственной медали. Другая – реверсная – представляла оттиск самоотверженного труда советских людей, роста могущества государства, расширения его промышленного потенциала и системы бесплатного образования и медицины для народа, создания новой социалистической интеллигенции и укрепле-

ния обороноспособности Страны Советов.

Конечно, аресты и казни в 1937–1938 годах потрясли советский народ, но только уже после смерти вождя, однако это уже другая тема исследования...

Преподаватель русского и украинского языка и литературы средней школы с Харьковщины Николай Григорьевич Берест возвращался домой несколько взволнован и даже удручен беседой с первым секретарем райкома партии: ему он предложил, от имени партийной организации района, с семьей переехать на постоянное место жительства на Западную Украину для помощи в восстановлении народного хозяйства и культуры на Полесье.

После беседы он шел в свой теплый семейный дом несколько растерянный, поэтому мыслительный процесс головы вынуждал вращать огромные жернова горячих мыслей, перемалывающие те планы, которые роились еще утром, идя на привычную работу знакомым путем. Рождающие представления о будущем его тревожили. Успокаивало то, что он не дал окончательного согласия партийному чиновнику – попросил посоветоваться с домочадцами.

– Ладно, побалакаю со своим семейством, – ответил он партийному функционеру.

– Конечно, и я вам советую это сделать, – закивал головой хозяин кабинета.

Шествуя в раздумьях, он не заметил, как подошел к дому, как преодолел ступени высокого деревянного крыльца и от-

крыл двери квартиры, где ждали его дочь Оксана, сын Александр, которого почему-то все называли Сашко, и супруга Гагафья Евдокимовна, фельдшер местной поликлиники.

Когда он вошел в дверной проем и оказался в коридоре, его встретила жена, сразу же заметившая изменения на лице благоверного.

– Что случилось, Коля? – тревожно спросила супруга.

– Вот разденусь, потом расскажу. А где дети?

– У соседки Наташи, смотрят новые ленты по фильмоскопу.

Он прошел к умывальнику, ополоснул руки, умыл лицо и уселся на любимый стул с высокой спинкой и небольшими подлокотниками, который смастерил когда-то сам. Он всегда стоял на одном и том же месте – у круглого стола, где собиралось «святое семейство», как он называл свою четверку.

Когда сели вечерять, он вдруг огорошил жену:

– Гаша, мне, а это значит всем нам, предложили поменять место жительства и в связи с событиями на Западной Украине переехать на постоянное место проживания – на Полесье. Я не знаю еще ни города, ни школы. Первый секретарь Гавриил Самохвалов предложил посоветоваться с тобой, с детьми.

– Срываться не хочется, ох, как тяжело переезжать. Недаром говорится «переезд равен пожару». Но, с другой стороны, ведь Гавриил Иванович не отстанет. Ты член партии. Идет активное переселение народов. В стране на этой основе

движение в одном направлении. Народ подался на Запад... Там, на Полесье, была до недавнего времени Польша. Знаю, ее политикой аборигены были недовольны. У нас в поликлинике работают люди из тех мест, они и рассказывали, что постоянно шли притеснение украинцев повсюду, – откровенно исповедовалась супруга.

– Недовольство политикой Польши вылилось, в конце концов, в создание организации украинских националистов – ОУН. Случись война – там будет много крови и с украинской, и с польской стороны.

– После этих твоих слов мне страшно туда отправляться.

– Я думаю, там стоят наши войска... РККА не одолеть ни тем ни другим. Они наведут порядок вместе с НКВД. Ну, что я завтра должен сказать Самохвалову?

– Давай примем окончательное решение с учетом мнения детей. Они уже повзрослели, а вообще решай, Николай, сам – ты глава семейства и партийный человек...

Решение пришло быстро. Детям захотелось постранствовать. Пятнадцатилетняя Оксана и тринадцатилетний Александр проголосовали «за» переселение на Полесье.

На принятие положительного решения по согласию оправиться в западный угол страны повлияли и годы кампании истребления руководящих работников в советских и партийных органах, армии, на производстве и в среде интеллигенции. Масштабы арестов в 1937–1938 годах, конечно, потрясли его. Граждан, не согласных с линией партии, тоже трам-

бовали в воронки.

Нет, он не был трусом, всегда имел свое мнение и отстаивал его на партийных собраниях, но его критика не превращалась в огульное критиканство власти. Он был осторожен в оценке того, что делает руководство Кремля, хотя многие вещи ему не нравились и осуждались им в душе.

Николай Григорьевич был начитан, хорошо разбирался в международных политических делах, спорах и даже в киевских дразгах. За куцей газетной строчкой мог разглядеть что-то большее, чем она несла голую смысловую нагрузку. Он оправдывал Сталина за борьбу с ленинской гвардией, ратующей за мировую революцию, за двуликость англосаксов, не желающих объединяться с Советским Союзом для предотвращения вероятной войны и всячески затягивающих переговоры, а по существу, толкающих Германию на войну с СССР.

Учитель справедливо оценивал обстановку, даже не зная того факта, что Молотов в секретной шифровке советскому послу в Лондоне писал: «Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров не будет. Тогда пусть пеняют на себя».

И, действительно, скоро на длинном столе генштаба сухопутных сил гитлеровской Германии появилась карта с агрессивными стрелами, направленными на Великобританию.

Берест считал, что англо-французский сговор с Гитлером в Мюнхене побудил Сталина, как и других советских руководителей, к отступлению на позиции традиционного недове-

рия к капиталистическому миру в целом, без разделения на фашистов или демократов. Все они были противниками Советской России. Все они хотели поражения советской модели социализма, а скорее, России. Желания уничтожить, стереть с лица земли богатейшую природными ресурсами Россию, живы и по сей день. Так кто им даст это сделать? Россияне – не дадут!

«Мюнхенское соглашение, – как считал Берест, – открыло семафор новой империалистической войне за передел мира. Оно стало фактом – прелюдией Большой войны с Гитлером. Не случайно Сталин торопливо взял курс на реформы в армии, на перевооружение РККА. Время диктовало эти правильные в своей основе, хотя и запоздалые действия...»

По договоренности с партийным чиновником учитель зашел к нему перед работой.

– Ну что, Николай Григорьевич, созрели? – спросил, вставая из-за стола, чтобы поздороваться с вошедшим гостем, Гавриил Иванович.

– Да, партия приказала – значит, надо, – улыбнулся Берест.

– Настоящий коммунист по-другому, я думаю, не мог поступить, – приосанившись и надувшись, как индюк, проговорил секретарь райкома.

Он протянул ему руку, желая одновременно, одним махом, поздороваться и поздравить коммуниста Береста с принятием политически правильного решения.

– Вы поступили, как настоящий большевик. Партия ценит ваш разумный шаг...

– Скажите, хотя бы предположительно, где мне и кем предстоит работать? – задал законный вопрос Николай.

– Думаю, по вашей профессии – педагогом. А скорее, директором школы. Будете учить, как и учили детей до этого, – доброму, светлому, вечному, вкладывать в их головы, кроме знаний, то, что хорошо, и то, что плохо, – одним словом, тем, чем и занимались. Там дети-украинцы и молодежь, затурканные польской идеологией. Постарались и украинские националисты. Придется переубеждать строптивых, – Гавриил Иванович напутствовал учителя, который не хуже него понимал суть происходящего.

Он знал, в районы Западной Украины отправляется много молодежи, особенно девушек. Ехали по комсомольским путевкам библиотечарши, связистки, медсестры, почтовые работники и представительницы прочих специальностей.

Отца автора – машиниста паровоза тоже по комсомольской путевке из депо станции Ромны Юго-Западной железной дороги Сумской области осенью 1939 года направили в депо ст. Сарны Ковельской железной дороги Ровенской области.

Ручейки переселенцев не высохали, превращаясь в реки самопожертвования, потому что скоро они обернулись для гостей реками невинной крови, проливаемой в результате зверств такого античеловеческого явления, каким явилась

бесшабашная и дикая бандеровщина с ее националистическим замахом на всю страну.

Даже приезжие украинцы из восточных областей Украины для них были москалями, советами, коммуняками, которых надо было убивать, убивать и убивать... Со временем один из известных чешских писателей XX века Карел Чапек скажет, что любой националист исповедует формулу: «Черт с ним с народом! Нам важен только его престиж».

Через неделю, выкрашенный в зеленый цвет, паровоз «Су» с огромными красными колесами пронзительно свистнул, напрягаясь стальными дышлами и обдавая зевак клубами белесого отработанного пара, потянул пассажирский поезд на Запад. В общем вагоне ехал к новому месту работы учитель Николай Григорьевич Берест. Перед тем как попрощаться с семейством на перроне небольшого местного вокзала, он предупредил жену и детей, что как только определится с местом новой работы, получит дом или квартиру, сразу же приедет за ними.

Моменты прощания со слезами на глазах детей и жены долго ворочались воспоминаниями в памяти, сидя у вагонного окна. Погрузившись в думы и уставившись в протертое с разводами стекло, он почти не видел проносящихся одиноких полустанков – «лицом к лицу лица не увидеть». Но почему учитель обращал внимание на медленно проплывающие родные степные просторы, в низинах за насыпью деревянные телеграфные столбы с «бетонными ногами» и туго

натянутыми в несколько рядов проводами?

Иногда встречались на двухпутке и промежуточных станциях воинские эшелоны, тоже направляющиеся попутно с его пассажирским поездом.

«Что же получается? Практически происходит передел мира, – рассуждал учитель Николай Григорьевич. – На Европу надвигается немецкая угроза. В Польше умер Пилсудский, но в Варшаве до разгрома ее немцами правили те полковники и генералы, которые в двадцатом году вместе с ним участвовали в походе на Украину и до позорного поражения сохраняли честолюбивые амбиции повторить Смутное время в России. Замыслы у Варшавы роились захватнические и простирались довольно далеко – военным путем возродить линию Керзона и отодвинуть ее чертой от Балтийского до Черного моря. А там замахнутся и до Урала. Но получился облом...»

Потом его мысли перетекли в область воображаемого нового места работы. Ему казалось, что он совершает подвиг ради тех детей бедноты болотного Полесья, которых старались ополячить. В райкоме партии его ознакомили с обобщенной справкой по состоянию образования в этом новом регионе Союза. Оно было удручающим.

Учитель живо представил, что здание под среднее учебное заведение местные власти выделяют наверняка ветхое, не приспособленное для учебного процесса, и он, если его назначат директором, обязательно займется ремонтом школы.

Как любитель русской и украинской литературы, он не мог не захватить с собой для душевного чтения книгу, как инструмент наслаждения мудростью. В его фанерно-фибровом чемодане лежали пять томиков избранных произведений Пушкина, Гоголя, Шевченко, Франко и Маяковского. Эти в мягкой обложке книжечки приобретались в разное время, но выпущены были одним киевским издательством. Он надеялся, что с приездом семьи к новому месту работы он перевезет на Полесье всю домашнюю библиотеку, которую они с женой собирали вместе.

С пересадкой в Киеве, Николай Григорьевич, наконец, добрался до города Ровно, где местное партийное чиновничество выдало ему предписание убыть в один из районных центров на северо-западе области...

Этим центром оказался город Сарны, куда он прибыл на следующий день.

«Интересное название города, – размышлял учитель. – Наверняка связано с дикой черной полорогой козочкой – серной. Эта дикая козочка упоминается даже в Библии. Ну, ничего со временем узнаю все подробности о городе».

Поселившись в гостинице, Берест направился в райком, чтобы определиться с конкретным местом работы. Там разговор со стороны одного из партийных секретарей районного масштаба был короток:

– Мы вас рекомендовали на должность директора школы в живописный поселок городского типа Степань, располо-

женный на левом берегу реки Горынь. Местное руководство предупреждено о вашем прибытии. Где вы устроились?

– В гостинице в номере четыре.

Благо она была одна в городе.

– Вот и прекрасно. Завтра за вами придет машина. Я сейчас созвонюсь со Степанью, пусть готовят стол, – улыбнулся партийный функционер.

Попрощавшись с хозяином, Николай Григорьевич прошелся по городу. Ему был интересно познакомиться с достопримечательностями этого крупного железнодорожного узла с огромным, выложенным из глыб местного гранита, костелом и крохотными деревянными сине-голубыми церквушками. Он обратил внимание на прекрасный вокзал, две водонапорные башни и депо из красного кирпича со смотровыми канавами, поворотным кругом и крытыми ангарами для стоянки во время ремонта и промывки паровозов.

На небольшом рынке, практически в центре города, он поразился бедности сельского населения, которое продавало с лотков плоды огородов и покупало необходимое, особенно хлеб и промышленные товары, складывая это в радиюги – полотна из отбеленной домотканой ткани, или большие платки, которые носились через плечо, в основном женщинами-крестьянками. Их называли – парашютисты.

Ровно в 9.00 в его номер постучались.

– Да-а-а! Входите! – протяжно окликнул того, кто стоял за дверью.

В номер вошел человек в серой рабочей куртке.

– Вы товарищ Берест?

– Да!

– А я водитель из поселкового совета Никита Голубок. По приказу начальства приехал за вами. Я подожду вас возле машины. Есть что-либо тяжелое на вынос? – спросил водитель.

– Нет, нет – спасибо. Я мигом...

Минут через десять они выехали из Сарн, трясаясь по вымощенному при Польше гранитным булыжником шоссе. Потом каменная дорога несколько раз прерывалась и, наконец, закончилась. Началась грунтовка с ухабами, выбоинами и песочным месивом, трудно преодолеваемым полуторкой – она то и дело буксовала. Приходилось покидать кабину и помогать водителю разного рода подсобным материалом: валежником, сучьями и, главное, лопатой. К полудню добрались до поселка.

Встреча с начальством произошла после обеда в столовой. Николая Григорьевича встречали председатель поселкового совета Виктор Николаевич Гриб и секретарь парторганизации Иван Иванович Погорелов.

– Школа, Николай Григорьевич, вас ждет вместе с квартирой при учебном заведении. Пока придется пожить в таких условиях, а там обязательно найдем вам жилье более приличное, – казенным языком пояснил Гриб.

Его поддержал и даже несколько конкретизировал Пого-

релов:

– Скоро освободиться отдельный домик с огородом, деревянным сараем прямо на берегу реки. Место живописное, а пока надо поднапрячься и запустить школьный механизм. Детей много, классов оборудованных мало, школьной библиотеки совсем нет. Собираем книги поштучно у приезжих. Да и ремонт просят некоторые классы бывшей гимназии. Крыша, покрытая осиновой дранкой, совсем прохудилась. Мы вам поможем и материалами, и строителями, и деньгами...

Через день он обходил уже классы школы, нашел в бывшей гимназии проблем на порядок больше, чем их перечислял секретарь парторганизации...

За год произошли большие изменения. Переехала со всем необходимым скарбом семья. В школе появилась библиотека. Она преобразилась – дети с удовольствием стали посещать уроки без польских преподавателей. Учителями были в основном украинцы и русские. Несмотря на то что школа была с украинским языком преподавания, русский язык и литературу изучали активно.

Скоро Николая Григорьевича на педсоветах в районе стали хвалить за его старания и хватку трудоголика. Одним словом, отмечали – за труд. Вообще в предвоенные годы власть и искусство восхищались примерным трудом. И это восхищение приняло такой искренний, повальный, массовый характер, что живопись и кинематограф, газеты и журналы пе-

ли осанну трудящемуся индивиду, слагали песни и «гимны рабочему человеку». Это был какой-то романтический реализм в искусстве.

Но неожиданно на все его старания на ниве педагогики одели хомут: в середине 1940 года партийные органы пригласили директора школы, коммуниста Николая Береста в район и предложили, после длительных уговоров, принять никак не запускаемый механизм колхоза в селе Малое. Почти в приказном порядке «просили» организовать колхоз.

Секретарь райкома прямо заявил:

– Лучшей кандидатуры, Николай Григорьевич, на эту должность мы не нашли. Время суровое – мы здесь все, как на войне. Отдельный дом вам уже готов с посудой, мебелью, колодезной водой, хозяйственными постройками. Проживавший в доме польский пан Стамбровский после прихода в эти места Красной армии бежал с семьей, потому что у него было рыльце в пушку. По его приказу старшеклассников, писавших стихи об Украине, вывозили в тюрьму города Дубно и там убивали: морили голодом, травили или расстреливали «при попытке к бегству».

– Да я в сельском хозяйстве не работал... – пытался отговориться Берест.

– Мы все никогда не работали на новых должностях. Однако осваивали их. Коммунисты умеют это делать лучше других, – вставил инструктор райкома.

– Я не завершил начатое дело в школе...

– Вы считаете сельскохозяйственное производство, тем более сейчас, менее важная область, чем образование, чем школа? Продовольственная проблема стоит очень остро в нашем крае. Это вам партийное поручение. Сталин нас призывает, как можно скорее освоить Западную Украину. Помочь ей специалистами. Вы один из тех, кто может стать сталинским ударником в организации продовольственной ячейки в районе. Надо помнить, что нищета может привести к неверию. Мы верим, что с этой болячкой справимся на этой живописной и плодородной земле, – продолжил секретарь райкома.

После этих слов директор школы сдался...

Провожали Николая Григорьевича в Степани чиновники с сожалением. Стол накрыла для местного начальства Агафья Евдокимовна. Гостей было немного.

– Жалко вас отпускать товарищ Берест, но против лома, нет приема, против верхов не попрешь, – заметил за тостом Виктор Николаевич Гриб. – Спасибо вам за то, что привели школу в надлежащее положение и запустили учебный процесс.

Добрые слова говорили и другие...

Переезд к новому месту не затягивался, так как был определен предельно короткими сроками.

Теперь полуторка со скарбом и всей семьей Берестов, управляемая Никитой Голубком, понеслась по извилистым полевым дорогам, огибая многочисленные холмы на левом

берегу Горыни. Дорога в село Малое, укатанная гужевым транспортом, находилась в отличном состоянии – без ухабов и выбоин. Когда после степного безлесья въехали в сосновую рощу, прохлада сменила солнцепек. Приятно было в кузове детям и отцу, сидя на небольшом диванчике, подставлять встречному ветру горячие лица. Агафья Евдокимовна находилась в кабине...

Первый колхоз в районе

Спустя час езды семья новых переселенцев оказалась в селе Малое, расположенном вдоль реки Горынь. Приехали к небольшому домику, в котором располагался сельсовет. Когда машина остановилась прямо у небольшого деревянного порожка, распахнулась синей краской выкрашенная дверь, и в проеме, показался коренастый, совершенно лысый, одетый в бледно-серую, выгоревшую на солнце, косоворотку.

– Председатель сельсовета Дмитрий Иванович Корж, – отрекомендовался начальник села.

– Николай Григорьевич Берест, – представился гость.

– Разговора никакого Николай Григорьевич не будет, пока я ваше семейство не отвезу в дом, где вам предстоит жить и трудиться на благо нашего небольшого красивого края, – как-то с пафосом и нотками торжественности произнес Дмитрий Иванович эти слова, как будто даруя будущему председателю колхоза личную собственность.

Он лихо запрыгнул в кузов и, устроившись в левом переднем углу его, стоя нашептывал водителю куда ехать – водитель был не местный.

Через пять-семь минут оказались возле оштукатуренного и побеленного известью небольшого дома, выделяющегося от других хат своей монументальностью за счет двух небольших колонн у парадного крыльца, придававших ему

вид небольшого дворца. Этот фасадный декор покорило Береста.

«Как же так? Я буду прививать новую жизнь, а сам проживать в апартаментах, созданных старой властью – панями польского гонимого шляхетства», – рассуждал бывший педагог, которому уже на завтра предстояло стать колхозным администратором.

– Эта хата пана Стамбровского – палача украинского народа. Убежал зверюга, с приходом Красной армии, в Польшу. Вывез, что мог. Вот с тех пор и стоит дом сиротски. Теперь он ваш, потому что другого помещения у меня нет.

– Дмитрий Иванович, а как люди отреагируют? Вот смотрю, покосившаяся лачуга за лачугой, а председатель в хоромах, – заметил Берест.

– Народ, если поверит в правильность пути, оценит нас, как положено. А вот если будем ломать дрова, как это было в начале тридцатых на востоке Украины и в России, может и забунтовать, – трезво рассуждал председатель советской власти в селе...

Обустройство происходило быстро – занесли диван, некоторую посуду, книги. Остальная мебель нашлась в доме, в котором видно не раз побывали злодеи, судя по оставленным преступным следам: битым стеклам у окна, выходящего во двор, и сорванных и унесенных вместе со шторами карнизов. Шкафы зияли пустотой.

Агафья Евдокимовна, видя домашний хаос, загрустила, а

когда машина с Грибом убыла и семейство осталось наедине с его главой, всплакнула.

– Коля, мы вот уже несколько лет все пытаемся наш быт обустроить, почему-то идя по лестнице вниз нормализации жизни.

– Ничего, родная, этому должен быть положен конец. Мы здесь построим счастливую жизнь и в ней найдем свою нишу. На одном месте и камень мохом прорастает, – словно оправдывался супруг. – Корни приживутся – дереву жить!

Постепенно жизнь разворачивалась так, как мыслил Николай.

В селе вместо польской школы заработала средняя школа с обучением на украинском языке – село было большим. Изучался и русский язык, который стал теперь государственным на освобожденных территориях. Бывший педагог помог становлению школы за счет приезжих учителей. В основном это были молодые девушки, окончившие педагогические вузы и училища.

Пятнадцатилетняя Оксана и тринадцатилетний Александр пошли в школу. Они по знаниям отличались от местных детей и стали отличниками в учебе и поведении. В классе, где учился Саша, было семнадцать учащихся. Он сидел за одной партой с девочкой Олесей Горленко.

Она была сродни соседу по парте: светловолосая, рослая, схватывающая знания на лету. Ее родители оказались местные. В Прикерзонье до тридцать девятого года – года при-

соединения Полесья к СССР – отец, окончивший когда-то гимназию с отличием, слыл начитанным и грамотным человеком. Работал по найму у польского пана Стамбровского полеводом. С раннего утра и до позднего вечера, а то и до ночи, два понятия – «земля» и «урожай» – занимали место в его голове. Некогда было труженику воспитывать пятерых деток – все девочки получались. Старшенькую назвали Олесе́й, в честь купринской «Олеси», написанной русским писателем на украинском Полесье. Жена и время колдовали над детьми. Бывает в жизни, что сама природа вмешивается в этот процесс и ведет потомков правильной дорогой.

Семья Олеси Горленко была такой: все девочки отличались прилежным отношением к домашнему труду и учебе в школе. Они помогали матери, держали марку успешных учениц, дружили с соседскими детьми.

Саше нравилась Олеся. Он не раз по-джентельменски подносил ее портфель «по пути» до дома. Светлое, чистое, юное чувство согревало их двоих...

Отец Александра, любитель мастерить, быстро оборудовал в сарае что-то вроде мастерской. Там часто пропадал сын с друзьями: клеили змеев, строили модели аэропланов и машин, изготавливали разные безделушки и даже наглядные пособия для школы. Из березовой коры делал берестяные туюски, раздаривая их друзьям и подругам. Сашко слыл смекалистым пареньком. К его техническим советам прислушивались даже старшие ребята.

Местные жители, напуганные польскими властями анти-российской и антисоветской пропагандой, сначала встретили приход москалей недоверчиво. Однако, по мере того как стал стремительно разворачиваться социальный пакет новой власти и наступило реальное возвращение земель украинским крестьянам, «прихватизированных» польскими осадниками, лед холодного недоверия стал таять. Помощь советской власти ощутили забитые полешуки через преподавание на украинском языке, расширение сети магазинов в системе сельпо, ликвидацию позорного процесса полонизации и резкостей всякого рода со стороны осадничества по отношению аборигенов Полесья – украинцев.

Николай Григорьевич, до сих пор не знавший механизма экономической оккупации Полесья, выяснил через местных жителей цену осадничества.

Осадники – это польские колонисты-переселенцы, как правило, вышедшие в отставку военнослужащие Войска Польского, члены их семей, а также гражданские переселенцы – граждане Речи Посполитой. Они получили после окончания советско-польской войны и позднее земельные наделы на территории Западной Украины и Западной Белоруссии с целью активного и всестороннего ополячивания территорий, отошедших Польше по Рижскому мирному договору 1921 года.

Конечно, в то время ему было не дано узнать тех подробностей, которые он постиг в ходе строительства колхоза и ка-

кие мы знаем сегодня: на протяжении десяти лет после окончания Гражданской войны около 80 тысяч осадников получили 600 тысяч гектаров земли.

Размер земельного надела для каждой семьи осадников составлял до 20 гектаров, но не более 45 из-за того, что местному населению негде было бы жить.

18 октября 1920 года начальник государства – так назывался глава Польши – Юзеф Пилсудский объявил свое решение о планах колонизации: «Я уже предложил правительству, чтобы часть приобретенной земли стала собственностью тех, кто ее сделал польской, обновив ее польской кровью и тяжким трудом. Эта земля, засеянная кровавыми семенами войны, ждет мирного посева, ждет тех, кто заменит меч на плуг и хотел бы в этой будущей работе одержать столько же мирных побед, сколько у нас было на поле битвы».

В разговоре с крестьянином Опанасом Дзюбой Николай Берест выяснил, что осадники у него и других селян забрали плодородные, удобренные и обработанные приусадебные огороды, а выделили землю на песчаных косах вдоль реки Горынь. Процветал западный капиталистический образ жизни: оптовая и розничная торговля находилась в руках частных, которых вскоре предстояло ликвидировать. Крестьянин с лопатой не мог конкурировать с польским осадником – паном, который имел большой надел плодородной земли, обрабатываемой техникой. У него были и небольшие пред-

приятия по переработке выращенного урожая.

Осадником был и бывший военный Войска Польского Стамбровский Ян Казимирович, в дом которого заселилась семья переселенца из Харьковской области. По советским законам собственность польских латифундистов национализировалась, а к ним стали применять репрессивные нормы в гражданском законодательстве, что привело к их массовому оттоку на территории этнической Польши, которая в то время уже была в составе генерал-губернаторства Третьего рейха.

Украинцы, унижаемые поляками в течение почти двух десятков лет, приветствовали политику советской власти по переселению некоторых польских радикально, а правильное, враждебно настроенных оккупантов – «кулаков» и других недовольных осадников новой властью вглубь СССР. Их направляли в спецпоселения на лесозаготовки в восточные области страны...

Собрание крестьян, получивших от советской власти прежние земли в селе Малое, проходило бурно. Бедняки хотели и желали вступления в колхоз, середняки и люди, относительно богаче, всячески противились коллективному труду. Последние категории полещуков подогревались всякого рода националистически настроенными «хлопцами». Они в открытую называли себя защитниками Незалежной – независимой Украины – из Организации украинских националистов (ОУН).

Огромным влиянием пользовалась украинская униатская церковь. Местное население в округе, особенно по хуторам, оказывало поддержку ОУН, возглавляемой людьми Степана Бандеры.

Но, несмотря на эти сложности, колхоз в селе Малое был создан. Решили назвать его «Перемога» (*рус.* – «Победа»). – **Авт.**) Его председателем единогласно избрали Николая Григорьевича Береста. Коллективным трудом было охвачено большинство населения крестьян. Власть помогла техникой, семенами, специалистами...

Моменты робости за взятое на себя дело колхозного строительства часто менялись на смелые рассуждения того, что он должен победить в себе всякого рода нотки неуверенности. «Aut Caesar, aut nihil» (*рус.* – «Или Цезарь, или ничто». – **Авт.**), – часто повторял с упорством в своих деяниях Николай Григорьевич. Он не хотел стать «ничто».

Урожай 1940 года превзошел все ожидания. Уродился картофель – полесский второй хлеб. Капуста и морковь, свекла и помидоры. Жито и пшеница дали в закрома колхоза приличный уровень зерновых. Панский сад одарил сельян фруктами. Нашлись спецы по производству яблочного повидла. Местные умельцы отремонтировали и запустили млын – ветряную мельницу. Она не только «жевала» зерно, но и драла крупу и давила семечки подсолнуха, извлекая из них пахучее подсолнечное масло. Появилась мука, да какая – крупчатка. Нашлись и хлебопеки. Сестры Слепенчуки –

Анастасия и Пелагея – предоставили для этого свою хату с широким зевом глубокой русской печи.

Животноводство стали развивать. В стаде появилось семнадцать коров. Свиноферма насчитывала к концу 40 – го года 47 поросят. Это уже было что-то.

Люди на заработанные трудодни получили натурой: зерно, овощи, фрукты, молоко для детей, мясо. Замахнулись на постройку яслей.

Но не всем по нутру пришлись победы, одержанные в селе с приходом «восточника» Береста. Националисты начали угрожать расправой.

– Дмитрий Иванович, меня выбрал народ, и я не дам повода бояться этих псевдопатриотов Украины. Я такой же православный украинец, как и все остальные, за исключением горстки приверженцев галичан с униатскими корнями, – признавался он председателю сельсовета Коржу.

– Да, эти мерзавцы готовы на все, чтобы опаскудить наши начинания, которые приняли простые граждане – односельчане. Они будут постоянно вставлять в нашу колесницу палки. К этому нужно быть готовым. Местный фюрер ОУН Гришка Палий, как мне докладывали, угрожал вам и мне. Обещал подпустить красного петуха скирдам и копнам в поле, – с волнением осипшим голосом вещал сельский «староста». – Его организация существовала и при Польше. Теперь у них новый враг – советская власть. У них есть оружие. Есть свидетели, как они тренировались в песочном карьере

в стрельбе.

– Надо об этом поставить в известность нашего оперативника из НКВД. Кстати, а скорее, к сожалению, он не часто приезжает к нам.

– А как он может бывать часто у нас, когда на его шею навесили десяток сел и хуторов.

– Нет, это не дело. Буду в Сарнах, обязательно пожалуюсь начальству, а пока у нас одно оружие – убеждение сельчан в правоте созидательного дела, – радовался Николай Григорьевич.

– Село ожило после ухода польских осадников. Люди посветлели лицами. Они стали хозяевами своих подворий без ляхетского кнута. Бандеровцам должны дать бой комсомольцы... Их у нас уже больше двух десятков юношей и девушек, – констатировал Дмитрий Иванович.

Но события стали развиваться не по прогнозам Береста и Коржа, а по правилам жанра коллективизации, какая проходила в начале 30-х годов в Советской России. Сталинское «головокружение от успехов» дало знать о себе и в селе Малое. Два руководителя – колхоза и сельсовета – рано радовались успехами.

В августе 40-го года стали гореть скирды соломы и сена, заготовленные на зиму. Потом кто-то облил соляркой собранное зерно, сложенное на лугу и прикрытое брезентом.

Но когда убили комсомолку, приехавшую на Полесье из Полтавской области, Дарью Процак, учительницу началь-

ных классов сельской школы, во время возвращения домой со дня рождения подружки, терпение у Береста лопнуло. Он узнал, что ее отправили на тот свет удавкой из скрутки ко-сынки девушки. Председатель колхоза поехал в Сарны с требованием прислать опытных розыскников, чтобы найти и покарать убийц. Приезжала следственная бригада, но, увы, не смогла выйти на убийц. Подозревали националистов, но и только...

К весне 1941 года колхоз стал крепко на ноги. Выкорчевали старый лес. Распахали новые площади. Посадили и засеяли все, что планировали.

Часто в поле выходил Николай Григорьевич и радовался желтеющим стеблям и золотистым колоскам – жито заколосилось крупным зерном. «Соберем приличный урожай, – рассуждал он. – И государству отдадим, и добрую часть себе оставим. Одним словом, будем с хлебом. И тут несчастье: какой-то «мерзопакостный негодяй», по-другому его не мог назвать председатель колхоза, поджог поле в начале июня. Начали гореть стебли с подветренной стороны.

Звонарь, живший на окраине села, увидел первым начавшиеся сполохи пожара и стремглав кинулся к колокольне. Разбуженные селяне с радюгами и метлами пытались сбить пламя. Ведра с колодезной водой были как мертвому припарка – много не наносишь. Сгорело поле в один миг.

Милиционеры прибыли вовремя. Нашли быстро поджигателей: арестовали Гришку Палия и его подручного Оста-

па Парасюка. Через неделю руководители села знали из уст районного начальства, что бандиты действовали по приказанию оуновца с кличкой Вихорь. Фамилии его они не назвали – якобы не знали, а может, скрывали. Письменный приказ от руководства провода ОУН привез связной – незнакомый ранее местным оуновцам молодой человек, и тут же ускакал на коне. Палий и Парасюк раскололись быстро – жить захотелось, уголовная статья ведь была серьезная.

Наведывались все чаще в село незнакомые люди: присматривались, прислушивались, шушукались с теми, кто демонстративно не пошел в колхоз. Ранним утром из добротной хаты, крытой черепицей терракотового цвета, вышел невысокого роста, белокурый, голубоглазый человек, одетый в серую рубашку с накладными карманами на груди. За спиной висел рюкзак типа вещмешка защитного цвета, явно военного образца. Он быстро углубился в посадку, начинающуюся сразу за околицей села, повернул направо и по тропинке вышел к «спящему» ветряку. Работники мельницы в такую рань еще отдыхали.

Незнакомец остановился у почерневшего от старости млына. Огляделся по сторонам – никого поблизости он не увидел, вытащил армейскую фляжку и двинулся к ветряку, его нижней дощатой лопасти огромного пропеллера, который был застопорен толстой конопляной веревкой-мотузком. Стопорящее устройство – дышель – давно сгнило, поэтому ветряк стреножили именно таким способом.

Открутив пробку фляжки, он плеснул горячей жидкости на сухую лопасть, потом пролил ею деревянную раму, затем чиркнул спичкой. Она сломалась. Другую постигла та же участь. Чувствовалось, что поджигатель волновался – у него тряслись руки. С третьего захода спичка зажглась, и он бросил ее в цель. Пламя быстро охватило тонкие планки и доски лопасти, побежало в сторону рамы. Когда незнакомец, убегая с места преступления, через десять минут оказался в посадке, ветряная мельница уже пылала огромным факелом. Огонь пожирал сухое дерево быстро и жадно...

Николай Григорьевич по привычке встал рано и вдруг увидел клубы дыма, поднимающие над горизонтом. «Что еще подожгли варвары? – спросил сам себя председатель. – Неужели млын? О боже! Ведь эти хлебные храмы такие же святые, такие же сакральные, как и колодцы. Хлеб и вода – источники жизни. На святость замахнулись бандиты. Ветряки в течение длительного времени были символами технического прогресса. Нужда ум острит. У бандитов злость его тупит...»

Он ринулся в дверь, увидев, как по улице к ветряку бегут односельчане, Берест побежал вместе с ними. По прибытии от четырехлопастного пропеллера осталась куча дымящихся головешек. Но пламя все еще гудело и гуляло внутри прочного сруба мельницы.

Беспомощные люди метались с вилами, жердями, лопатами, пустыми ведрами и только некоторые, неведомо откуда

взятыми баграми, пытались растаскивать в стороны горящие брусья, доски и бревна. Кто-то оттаскивал рухнувшую дубовую горизонтальную ось, обгоревшую только сверху, кто-то бежал к колодезю за водой, кто-то материл поджигателей.

– О, Боже, покарай мерзавцев, посягнувших на святое, – проговорила сквозь слезы соседка Берестов доярка Матрена Пастушок.

Многие сельчане, особенно женщины, плакали, глядя, как пламя доедало останки их живой еще вчера легенды – производителя муки, крупы и подсолнечного масла...

Сегодня ветряных мельниц практически нет. Мы гоняемся за дорогостоящими энергосберегающими технологиями, сооружая для этого невероятно сложные машины – но все лежит на поверхности. Мы потеряли что-то ценное.

Все чаще дочь Оксана жаловалась отцу на косые взгляды некоторых парней и даже записки с угрозами расправиться с ее родственниками. Сын Александр рос крепким, плечистым юношей, которого все теперь звали не иначе, как Сашко-умник. Он отличался хорошей учебой и похвальным поведением. От таких жалоб сестры брат катал желваки и сжимал кулаки.

– Пусть попробуют тронуть тебя, Оксана, у меня есть чем ответить, – он согнул в локте правую руку и показал указательным пальцем левой руки на прилично накачанный гириями и другими подсобными тяжестями бицепс.

Однажды поздним вечером Сашко возвращался домой на

ровере – так называли в этих краях велосипеда. Он, с присущей молодости силой, энергично давил на педали. Ехал достаточно быстро по узенькой тропинке. Справа и слева проскакивали, мелькая заросли ольшаника. И вдруг какая-то невидимая сила швырнула его назад и опрокинула в сторону. Она свалила его с двухколесника. Натянутая туго проволочная струна больно ударила подростка по горлу. Он захрипел, и стал задыхаться от болевого шока. Показалась кровь, испачкавшая новую рубашку. «Неужели началась охота на нас? – подумал Сашко. – Если это так, то нужно внимательнее относиться к окружающим. Верить, доверять надо, но и необходимо проверять своих «друзей»».

Он тяжело поднялся с земли. Взялся за руль, поставил велосипед, но ехать на нем не смог: «восьмерка» переднего колеса была такова, что изгибы черного с оранжевыми полосками обода не проходили в вилку. Несколько спиц сломались. Приподняв ровер и взяв правой рукой за переднее колесо, униженный и раненый, поплелся домой. Страх не было, а была злость. Он не боялся, что влетит от отца, который понимал детей, а дети – его.

Возвратившись домой, на пороге его встретила мать. Агафья Евдокимовна, всплеснувшая руками от увиденной окровавленной рубахи, спросила:

– Сашко, что случилось? Как же ты так упал?

– Мамо, за мной охотились. Проволокой перетянули стежку, – честно ответил Александр.

Поздно вечером появился отец. «Раненый» велосипед он увидел в сених.

– Что, не удержал равновесие? – усмехнулся отец.

– Нет, Коля, хуже – его решили наказать, – ответила супруга.

– Кто? Как? Когда? – сыпались горохом короткие вопросы.

Пришлось сыну рассказать родителю все, как было...

– Ничего, сынок: руки-ноги целы, голова на плечах, а раны имеют обыкновение затягиваться. Да, это сигнал националистов по отношению к нам, восточникам, к колхозу, нашим успехам. Выдюжим! А что касается «восьмерки» на колесе, исправим, и снова будешь ездить. Бандюгам нельзя подавать вида, что мы их боимся, – глухим, но спокойным голосом вещал глава семейства.

В течение следующего вечера отец после колхозной не работы, а службы «вытянул» спицами велосипедный обод. Колесо приобрело прежний вид.

Александр внимательно наблюдал за действиями отца. Он понял механику выравнивания «железа» методом соответствующей натяжки спицами – был смышленным. И уже через неделю помог тем же ремонтным процессом с колесом своему школьному другу. Все сделал так, как научил отец...

Война и гибель переселенца

Советские люди Отечественную войну не хотели видеть, но вот что удивительно: ее ждали и верили, что она наступит, как наступила Вторая мировая, нападением 1 сентября 1939 года фашистской Германии на гонимую Польшу, мечтавшую вместе с вермахтом встретить победу сил «нового порядка» на Красной площади. Не дождалась – ни нацистская Германия, ни панская Польша.

А пока Германия ускоренным порядком наращивала боевую мощь, чтобы подготовить Третий Рейх к столкновению с враждебными силами не только на одном фронте. Гитлер жил горькими воспоминаниями опыта страны в Первой мировой войне, в которой он участвовал и получил вместе с легким ранением Железный крест.

Он требовал и все сделал к сороковым роковым: укрепил уязвимые границы рейха и приободрил вермахт строительством ряда оборонительных объектов, сооружением вдоль французской и бельгийской границ – линии Зигфрида, противостоящей французской линии Мажино, поднял угасший за период Первой мировой войны промышленный Рур.

Армия и флот стали его друзьями. Освободился от экономических, политических и военных санкций со стороны вчерашних противников по недавней мировой войне, которые, по мере развития Германии, стали постепенно заигры-

вать с фюрером и его политикой.

Вскоре накачанные стальные мускулы вермахт применил против Варшавы, а теперь готовился использовать силу, направляя ее на Москву. Репетициями германского блицкрига явилась не только Польша, а практически вся Центральная Европа, в том числе и Франция, располагавшая в то время одной из самых сильных армий Старого Света. Но французским солдатам не дали возможности победить коварного соседа недалекие и трусливые политики-предатели.

Весной 41-го года все чаще местные собиратели ягод и рыбаки замечали в лесах и на проселочных дорогах неизвестных то в гражданской одежде, то в красноармейской форме, интересующихся, как лучше проехать или пройти до того или иного населенного пункта. В основном их интересовали места, где стояли советские воинские гарнизоны или располагались склады с ГСМ, аэродромы и арсеналы с оружием и боеприпасами.

Однажды Сашко встретил двух «грибников», которые задали нелепый вопрос: стоит в Степани воинская часть или ее перевели в другое место?.. Школьник, комсомолец, дошлый и проинформированный отцом юноша о вылазках немецких лазутчиков вдруг как бы с наивной прямоотой спросил любителей лесных даров:

– А зачем она вам?

– Мы по мобилизации приписаны к ней, – хором и как-то заучено проговорили они.

«Но никакой части там нет. Как же сообщить мне о них председателю сельсовета?» – задал себе вопрос Александр. И все же он нашел время и рассказал Дмитрию Ивановичу о приметах подозрительных незнакомцев.

Вскоре их задержали. Попадались в руки правоохранителей и другие подобные. Разоблаченные органами госбезопасности, в том числе и армейскими контрразведчиками, многие признавались, что работали по заданию абвера-2.

Чем же занималась абверовская «двойка»? Прежде всего, это подразделение практиковалось на организациях саботажа, диверсий, террора, восстаний, разложения противника и т. д. Это был своеобразный спецназ абвера и действовал он от имени подразделения, называемого «Бранденбург-800», который вырос от роты до дивизии. С февраля 1943 года соединением командовал генерал-майор Александр фон Пфульштайн.

Гитлера радовали успехи детища шефа абвера адмирала Канариса. Не случайно он давал указания – «не жалеть денег там, где есть результат». А показатели успешных операций росли, как и росло финансирование подобных подразделений и постепенное их укрупнение.

Накануне вторжения оккупантов прошло заседание сельсовета в относительно пустынном клубе, любящем приветствовать волнуемую человеческую переполненность с рядами одинаковых, сколоченных рейками в ряды, фанерных стульев. Они походили на близнецов или клонов, взгрустнув-

ших без привычной веселой людской массы. На заседания присутствовал только актив села.

На этом несколько засекаченном сборе было единогласно принято решение в случае неминуемой оккупации противником села осуществить эвакуацию членов семей советских и партийных работников, принять меры к организации партизанского сопротивления и раздаче местному населению запасов зерна, овощей, мяса и прочих продуктов. Даже колхозная пасека, стоящая в липовой рощице, должна была поделиться своим сладким продуктом с полешуками.

Многие селяне не хотели верить тому, что их спокойная жизнь скоро останется в прошлом и их стремление поверить, что Господь или кто-то великий в стране (кроме Сталина никого не было) способен сдержать события, оставалось тщетным. События смены времени катились валом...

Распоряжался всеми хозяйственными, животрепещущими вопросами в селе в это суровое время председатель колхоза «Перемога» Николай Григорьевич Берест.

Вел совещание и выступал председатель сельсовета Дмитрий Иванович Корж. Его еще называли головой рады – председателем совета. Он сообщил, что, по решению Сарненского райкома партии, в районе создаются добровольные народные формирования в виде боевых дружин, отрядов и групп по охране предприятий, учреждений, колхозов для борьбы с вражескими диверсантами.

Они все чаще засоряли своим присутствием леса, хутора

и стежки, двигаясь по ним для того, чтобы навредить людям, жившим здесь по законам новой, порой не понятной и непонятой ими поначалу советской власти. Спецназовцы абвера расчищали разведывательной деятельностью, подрывами оборонных объектов и убийствами активистов дорогу для относительно легкой добычи плацдармов на территории противника вермахту.

Добровольные народные дружины в народе называли еще «истребки» – истребительные батальоны. Нужно отметить, что на Ровенщине такие батальоны были созданы перед войной в областном центре в Ровно, а также в Сарнах, Владимирце, Клесове, Костополе, Здолбунове, Дубно, Красноармейске и других городах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.